

**Заседание Комиссии по изучению
грамматической структуры славянских
языков Международного комитета
славистов
– Тезисы –**

Tübingen 25. – 27. 9. 2017

Impressum

Universität Tübingen

Philosophische Fakultät

Slavisches Seminar

Wilhelmstr. 50

72074 Tübingen

<http://www.slavistik.uni-tuebingen.de/>

slavistik@uni-tuebingen.de

Содержание

Benacchio, Rosanna: Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект.....	7
Berger, Tilman / Wiemer, Björn: Prepositional Resultatives in West Slavic Languages.....	11
Bjørnflaten, Jan Ivar: Reanalysis in the Russian Past Tenses: The Gerundial Perfect in Northwest Russian.....	13
Danielewiczowa, Magdalena: Языковой статус, синтаксис и семантика польских выражений типа: <i>tam to napisane</i>	16
Grochowski, Maciej: Osobliwości przymiotników nawiązujących w języku polskim.....	18
Iomdin, Leonid: О некоторых разговорных конструкциях с предикативными наречиями в русском языке.....	23
Kralčák, Lubomír: Gramatické aspekty tzv. rytmického krátenia v slovenčine.....	32
Nitsolova, Ruselína: О факторах, препятствующих грамматикализации.....	35
Norman, Boris: Еще раз о семантике русского инструменталя: взаимодействие грамматики и лексики.....	41
Panevová, Jarmila: Diatzeze a reciprocita (na českém materiálu)... ..	44
Pognan, Patrice: Vypočítateľnosť češtiny ve srovnání s ostatními západoslovanskými jazyky.....	45
Popović, Ljudmila: О взаимодействии залога и модальности в сербском и других славянских языках.....	47
Skwarska, Karolína: <i>Zapnul už jsi toho mobila?</i> О akuzativu singularu neživotných maskulin ve slovanských jazycích.....	48
Tommola, Hannu: Еще раз о сниженной переходности.....	49
Wajszczuk, Jadwiga: Структура предложения а структура высказывания.....	52

24 сентября

приезд участников в гостиницу „Albblick“ (Paul-Lechner-Str. 20, 72076 Tübingen)

25 сентября

9:15	открытие	
9:30-10	Iomdin, Leonid	О некоторых разговорных конструкциях с предикативными наречиями в русском языке
10-10:30	Grochowski, Maciej	Osobliwości przymiotników nawiązujących w języku polskim
10:30–11	перерыв	
11:00–11:30	Panevová, Jarmila	Diateze a reciprocita (na českém materiálu)
11:30-12:00	Popović, Ljudmila	О взаимодействии залога и модальности в сербском и других славянских языках
12:00-12:30	Tommola, Hannu	Еще раз о сниженной переходности
12:30–13:30	обед	
14:00–14:30	Danielewiczowa, Magdalena	Языковой статус, синтаксис и семантика польских выражений типа: <i>tam to napisane</i>
14:30–15:00	Vjørnflaten, Jan Ivar	Reanalysis in the Russian Past Tenses: The Gerundial Perfect in Northwest Russian
15:30–16:00	перерыв	

16:00–16:30	Benacchio, Rosanna	Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект
16:30–17:30	рабочее совещание членов Комиссии	
18:00	прогулка по Тюбингену	

26 сентября

9:30–10:00	Wiemer, Björn / Berger, Tilman	Предложный результатив в западно-славянских языках
10:00–10:30		
10:30–11:00	перерыв	Osobliwości przymiotników nawiązujących w języku polskim
11:00–11:30	Skwarska, Karolina	<i>Zapnul už jsi toho mobila?</i> O akuzativu singuláru neživotných maskulin ve slovanských jazycích
11:30–12:00	Nitsolova, Ruselina	О факторах, препятствующих грамматикализации
12:30–13:30	обед	
14:00–14:30	Pognan, Patrice	Vypočítateľnosť češtiny ve srovnání s ostatními západoslovanskými jazyky
14:30–15:00	Kralčák, Ľubomír	Gramatické aspekty tzv. rytmického krátenia v slovenčine
15:30–16:00	перерыв	Языковой статус, синтаксис и семантика польских выражений типа: <i>tat to napisane</i>

16:00–16:30	Norman, Boris	Еще раз о семантике русского инструменталю: взаимодействие грамматики и лексики
16:30–17:00	Wajszczuk, Jadwiga	Структура предложения а структура высказывания
19:00	ужин в швабском ресторане „Wurstküche“	

План экскурсии в Бад-Урах 27 сентября

9.00	отъезд на автобусе от гостиницы Albblіck
10.00	посещение места печати словенской библии и протестантской кирки
12.00	обед
14.00	посещение замка
16.00	свободное время
17.00	отъезд на автобусе обратно в Тюбинген, место встречи – кирка

Номера телефонов:

Тильман Бергер +49 160 99129805

Татьяна Перевозчикова +49 157 74182827

Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект

Rosanna Benacchio

Università di Padova

rosanna.benacchio@unipd.it

Цель нашей работы – внести вклад в дискуссию о проблеме интеграции заимствованных, неславянских глаголов в славянскую видовую систему, основываясь на материале резьянского диалекта, т.е. одного словенского диалекта, находящегося на периферии славянской языковой системы, в северо-восточной Италии, во Фриули, на границе со Словенией. Это говор, который много веков находится внутри романского языкового окружения, и поэтому особенно богат иноязычной (романской) лексикой.

Изучение способов грамматикализации глагольного вида в этом диалекте дает различные результаты в зависимости от того, имеем ли мы дело с исконнославянской или с иноязычной (точнее, романской) лексикой. В первом случае наблюдается совпадение с общими принципами глагольной деривации, действующими для большинства славянских языков. Точнее говоря, бесприставочные, предельные глаголы участвуют в процессе образования видовых пар в основном посредством префиксации: префикс не только придает производящему глаголу новое, добавочное лексическое значение, но также (а это еще важнее) «уточняет», «специфицирует» основное, менее определенное лексическое

значение производящего глагола, тем самым создавая предпосылки для его перфективации.

Гораздо реже в резьянском диалекте для создания видового коррелята приставочные предельные глаголы прибегают к суффиксации, играющей имперфективирующую функцию: исходный приставочный предельный производящий глагол играет роль перфективного члена пары (выражающего достижение предела), а новый, также приставочный предельный производный глагол – имперфективного (выражающего процесс, ведущий к пределу). Примеры такой суффиксации так же редки, примерно как в русском языке: везде они, видимо, являются остатками более древнего этапа процесса грамматикализации глагольного вида, когда имперфективирующий суффикс (-a-), судя по всему, находился «на грани» акциональной (дуративной) и аспектуальной функций.

Суффиксация с имперфективирующей функцией очень распространена в применении к приставочным (перфективным) глаголам («вторичная имперфективация»). Как и в русском языке, это важнейший способ для формирования и укрепления системы видовых пар, одним словом, для грамматикализации категории вида.

Анализируя глаголы романского, происхождения, мы обнаружили противоположную картину. В то время как для глаголов славянского происхождения более продуктивной оказывается префиксация (и перфективация), для заимствованных глаголов, наоборот, более продуктивна суффиксация. Иными словами, терминативные глаголы воспринимаются как глаголы, выражающие результативность, которые обязаны создать себе партнера НСВ (посредством именно имперфективирующей суффиксации). См. *rišpundawat* < *rišpondät* ‘отвечать’ (от итал. ‘rispondere’); *danağawat* < *danağät* ‘вредить’ (от итал. ‘danneggiare’).

Подобные явления (в основном – тенденция к употреблению суффиксации, а не префиксации при интеграции романской лексики) была замечена В. Броем в славяно-молизанском диалекте, бытующем в южной Италии (Breu 2003, 2005).

Внимание будет уделено также биаспективным глаголам, как исконнославянским (весьма редким), так и иноязычным (более частым).

Литература

Бенаккьо 2015: Р. Бенаккьо, *Морфологическое проявление вида в резьянском диалекте: префиксация и суффиксация*, in: М. Китадзё (под ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото, Университет Киото Сангё, 21-26.

Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: А.А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва 2015.

Маслов 2004² (1958/61), *Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида*, in: А.В. Бондарко и др., Ю.С. Маслов. *Избранные труды*, Москва

Bajec 1959: A. Bajec, *Besedotvorje slovenskega jezika. IV. Predlogi i Predpone*. Ljubljana.

Benacchio 2009, R. Benacchio, *Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli*, in: L. Scholze, B. Wiemer (Hrsg.) *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten* [Diversitas Linguarum 25], Bochum, 2009.

Breu 2003: W. Breu, *Flexivischer und derivativer Verbalaspekt im Moli-seslavischen*, in: T. Berger, K. Gutschmidt (Hrsg.). *Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen* [Slavolinguistica 5], München.

Breu 2005: W. Breu, *Verbalaspekt und Sprachkontakt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprachen (SWR/MSL)*, in: S. Kempgen (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 2003*, München.

Dickey 2000: S. Dickey, *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford.

Janda et alii 2013, L. Janda et alii, *Why Russian Aspectual Prefixes aren't Empty. Prefixes as Verbal Classifiers*, Bloomington.

Steenwijk 1992: H. Steenwijk, *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio* [Studies in Slavic and General Linguistics 18], Amsterdam – Atlanta, GA.

Steenwijk 2005: H. Steenwijk, *Piccolo dizionario ortografico resiano/Mali bisidnik za tö jošť rozajanskë pisanjë*, Padova.

Prepositional Resultatives in West Slavic Languages

Tilman Berger / Björn Wiemer

Universität Tübingen / Universität Mainz

tberger@uni-tuebingen.de / wiemberb@uni-mainz.de

Our talk will deal with a peculiar resultative construction which can be observed in all West Slavic languages. The verb ESSE is combined with a temporal (or temporally interpretable) noun phrase containing the preposition *po* ‘after’. Cf. the following examples:

- (1) *Już jestem po śniadaniu.* (Polish)
- (2) *Děti jsou po snídani.* (Czech)
- (3) *Všetci už boli po obede.* (Slovak)
- (4) *Janina bě hižo po jědźi.* (Upper Sorbian)

Although this construction is not attested in other Slavic languages nor in common European languages, little attention has been paid to it so far. The construction has been briefly noted in literature (cf. Weiss 1977, 104; Tommola 2000; Giger 2003, 24), but it has never been included into the study of resultative constructions. One reason may be its rather low degree of grammaticalization.

In our talk we will concentrate on Polish (BW) and Czech (TB) and will discuss the following issues:

- a) grammatical properties of the construction (personal vs impersonal use, types of subjects);

- b) semantic properties of the construction (which nouns can be used etc.);
- c) distribution of the construction in written and spoken corpora.

These issues will allow us to specify in which respects this construction has entered on some kind of standard path of grammaticalization. We will also discuss methodological questions, first of all problems connected to how data can, and should, be accessed and to the different distribution of the construction in corpora.

References

Giger, Markus (2003): *Resultativa im modernen Tschechischen*. Berlin etc. *Mluvnické češtiny III* (ed. by Jan Petr). Praha 1987.

Tommola, Hannu (2000): On the Perfect in North Slavic. In: *Tense and Aspect in the Languages of Europe* (ed. by Östen Dahl), Berlin/ New York, 441–478.

Weiss, Daniel (1977): *Syntax und Semantik polnischer Partizipialkonstruktionen*. Bern etc.

Reanalysis in the Russian Past Tenses: The Gerundial Perfect in Northwest Russian

Jan Ivar Bjørnflaten

University of Oslo

j.i.bjornflaten@ilos.uio.no

The Russian language has in historical times along with most of the Slavic languages undergone a comprehensive transformation of its expression of the past tense. The synthetic past tenses aorist and imperfect have been lost and replaced by the erstwhile analytic perfect based on the past active participle in *-l-* and an auxiliary from the present tense paradigm of *byti* ‘to be’, cf. Old Russian *ja jesmь vidělъ* ‘I am/have seen’. Eventually, the auxiliary was lost and the expression of past tense was reduced to the *l*-participle only, e.g. Contemporary Standard Russian (CSR) *ja videl* ‘I saw/have seen’. The new past tense could be considered rather atypical since it is declined not for person, but for gender and number only.

While the *l*-form is the only past tense form in CSR, in Russian dialects, above all in the Northwest, there are past tense forms based on other past participles, i.e. the passive *-n/t-* participle and the active *-včs/-čs* participle.

This contribution will concentrate on the finite past tense based on the past active participle *-včs/-čs*, cf. *poezd ušodši* versus *poezd ušěl* ‘The train has left/left’. It will be argued that after the loss of the auxiliary the *l*-participle was reanalyzed as a finite verb form declinable for gender and number only. In that respect the *l*-participle came to

share relevant properties with the predicative past active participles based on the suffix *-vʒs/-ʒs*, realized as *-v*, *-vše*, *-vši*. In a sentence from the Pskov Chronicles like (1) *da 3 noči nočovanʒ_{pap} da pročb poechalʒ_{l-part}* ‘and stayed three nights and sat out again’, the predicative participle *nočovanʒ_{pap}* is apparently a nonfinite verb form subordinated by the finite verb form *poechalʒ_{l-part}*. When comparing, however, (1) with the same sentence in another manuscript, *nočovanʒ_{pap}* seems to behave like a finite verb: (2) *da 3 nošči nočevalʒ_{l-part} da pročb poechalʒ_{l-part}*. In other words, the interchangeability of *nočovanʒ_{pap}* and *nočevalʒ_{l-part}* should be considered to lend credence to the assumption that the erstwhile past active participle has been reanalyzed as a finite past tense verb form, able to form independent sentences like in (3): *oni perebrodivšesja_{pap} i stavše_{pap} stanmi na Kamně* ‘they crossed over and put up camp at Kamen’. It will, accordingly, be a major issue in the contribution that the erstwhile nonfinite predicative participle has been reanalyzed as a finite past tense verb since it shared all relevant morphological properties with the finite *l*-participle and thereby became open for a novel analysis. This reanalysis will be further discussed in terms of transitions from nonfinite verb forms to finite verb forms and from subordinated clauses to coordinated clauses. Finally, it will be argued that northwest Russian phonological changes can account for the fact that the diffusion of the past tense form in *-vši* is generally restricted to northwestern Russian dialects.

References

Bjørnflaten, J.I.: 2016, ‘Transformation of the Past Active Participles in Northwest Russian’, in: *Mosty Mostite. Studi in onore di Marcello Garzani-*

ti a cura di Alberto Alberti, Maria Chiara Ferro, Francesca Romoli. Biblioteca di Studi Slavistici 34. Firenze.

Cristofaro, S.: 2007, 'Deconstructing Categories: Finiteness in a Functional-Typological Perspective', in: I. Nikolaeva (ed.): *Finiteness. Theoretical and Empirical foundations*, Oxford.

Dimitrieva, L.K.: 1962, 'K voprosu o značenii i genezise otpričastnyh form (na materiale sovremennyh pskovskich govorov i pskovskich letopisej)', in: B.A.Larin (ed.), *Pskovskie govory I*, Pskov.

Harris, A.C., Campbell, L.: 1995, *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge.

Jung, H.: 2014, 'Conditioning Factors in the Development of the -vši Perfect in West Russian', in: Seržant, Wiemer 2014.

Kuz'mina, I.B., Nemčenko, E.B.: 1971, *Sintaksis pričastnyh form v russkich govorach*. Moskva.

Maslov, J.S.: 1984, 'K voprosu o proischoždenii posesivnogo perfekta', *Očerki po aspektologii*. Leningrad.

Požarickaja, S.K.: 2014, 'O lingvogeografičeskich parametrach funkcionirovanija pričastnyh form v russkich govorach', in: Seržant, Wiemer 2014.

Seržant, I.A., Wiemer, B.: 2014, *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. Slavica Bergensia 12, Bergen.

Pskovskie letopisi. Vypusk pervyj: 1941, Prigotovil k pečati A. Nasonov. Moskva – Leningrad.

Pskovskie letopisi. Vypusk vtoroj: 1955, Pod redakciej A. N. Nasonova. Moskva.

Trubinskij, V.I.: 1984, *Očerki russkogo dialektного sintaksisa*. Leningrad.

Trubinskij, V.I.: 1988, 'Resultative, Passive and Perfect in Russian Dialects', in: *Typology of Resultative Constructions*. Amsterdam – Philadelphia.

Языковой статус, синтаксис и семантика польских выражений типа: *tam to napisane*

Magdalena Danielewiczowa

Uniwersytet Warszawski

m.m.danielewicz@uw.edu.pl

В докладе обсуждаются: языковой статус, синтаксические свойства и семантика польских выражений типа *tam to już napisane, masz tę sprawę załatwioną, syn ma spłacony kredyt, ostatni pokój mamy uporządkowany, sprawozdanie finansowe mają przygotowane*. Личные формы глагола *mieć* в подобных структурах нельзя считать свободно сочетающимися с формами пассивных причастий, – их следует описывать как составные части своего рода перифрастических единиц.

Цель автора, во-первых, отличить эту единицу от других выражений с участием леммы *mieć*; во-вторых, описать синтаксические и семантические ограничения, накладываемые с одной стороны на форму причастия в интересующих нас сочетаниях, с другой на аргумент, отсылающий к субъекту соответствующего положения вещей; в-третьих, рассмотреть отношения между конструкциями, которые отличаются друг от друга лишь только видовыми формами соответствующего глагола, напр. *tam to przepisane* с одной стороны и *tam to przepisywane* – с другой; наконец – выявить главные семантические компоненты, описы-

ванной единицы. В качестве конечного результата проведенного анализа будет предложен проект ее семантического толкования.

Językowy status, składnia i znaczenie polskich konstrukcji typu *mam to napisane*

Przedmiotem referatu jest językowy status, własności składniowe i wartość semantyczna polskich wyrażen typu: *mam to już napisane, masz tę sprawę załatwioną, syn ma spłacony kredyt, ostatni pokój mamy uporządkowany, sprawozdanie finansowe mają przygotowane* i tym podobnych.

Połączenia czasownika *mieć* i odpowiednich imiesłowów przymiotnikowych biernych nie są w polszczyźnie regularnymi formami reprezentującymi gramatyczne kategorie werbalne, ale realizacjami szczególnego rodzaju jednostki peryfrastycznej. Autorka stawia sobie za cel: po pierwsze, odróżnienie jej od innych wyrażen zbudowanych wokół słowa *mieć*; po drugie, omówienie ograniczeń składniowo-semantycznych nałożonych na formę imiesłowową oraz na lewostronny argument, odsyłający do subiekta odpowiedniego stanu rzeczy; po trzecie, rozważenie relacji między konstrukcjami różniącymi się jedynie aspektem, a więc na przykład: *mam to przepisane* i *mam to przepisywane*; po czwarte, przedstawienie głównych komponentów semantycznych opisywanej kategorii wyrażen. Ostatecznym efektem analizy będzie projekt zdyscyplinowanej reprezentacji znaczenia rozważanej jednostki.

Osobliwości przymiotników nawiązujących w języku polskim

Maciej Grochowski

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

maciej.grochowski@umk.pl

Tezy referatu

1. W tradycji składni polskiej pojęcie nawiązania jako stosunku syntaktycznego między zdaniami jest obecne co najmniej osiemdziesiąt lat. Wprowadził je do swojego aparatu terminologicznego Zenon Klemensiewicz (1937) i poddał szczegółowej charakterystyce (Klemensiewicz 1949). Liczni badacze odwołując się do teorii Z. Klemensiewicza, interpretowali relację nawiązania i poddawali jej opis krytycznej ocenie (por. m.in. Wajszczuk 1980, 1981, Karolak 1987, 1999, Walusiak 1999, Szkudlarek 2003). Biorąc pod uwagę dwie opozycyjne funkcje członu nawiązanego w stosunku do podstawy nawiązania, przyłączającą i włączającą (terminy Klemensiewicza), przeciwstawiano nawiązanie treściowe formalnemu. Funkcję włączającą spełniają gramatyczne i leksykalne wskaźniki nawiązania.

Badacze relacji nawiązania koncentrowali uwagę na jej wykładnikach formalnych, przyjmując, że należą one do klasy zaimków (anaforycznych i kataforycznych) i spójników. W nowszej literaturze niektóre wykładniki nawiązania zalicza się również do partykuł i relatorów (Kisiel 2012, Grochowski, Kisiel, Żabowska 2014). O ile mi wiadomo, nie zwracano uwagi na to, że leksykalnymi wykładnikami nawiązania mogą być także niektóre przymiotniki.

2. Najogólniejsza teza tego referatu jest taka, że przymiotniki nawiązujące mogą odsyłać zarówno do wspólnej wiedzy interlokutorów (por. np. wiadomy, znany, odnośny), jak i do tego, co się aktualnie mówi (np. niniejszy), do tego, co zostało albo zostanie powiedziane (np. wspomniany, wymieniony, rzeczony, powyższy, poniższy, następujący). A zatem przymiotniki nawiązujące spełniają obie funkcje członu nawiązanego (w rozumieniu Klemensiewicza), przyłączającą i włączającą.

W pracach składniowo-semantycznych dotyczących nietypowych przymiotników, to znaczy takich, które nie komunikują o właściwościach przedmiotów ani o relacjach między przedmiotami, charakteryzowane były wybrane jednostki o funkcji intratekstualnej, np. powyższy, poniższy, niniejszy, pozostały (Salińska 2006, 2007), omawiano także znaczenie metatekstowe niektórych przymiotników (Wierzbicka 1971, Wajszczuk 2005, Danielewiczowa 2007). Funkcja nawiązująca wymienionych (i innych) przymiotników nie stanowiła dotychczas przedmiotu refleksji badaczy.

3.1. Szczegółowej analizie w tym referacie zostanie poddany przymiotnik rzeczony, którego osobliwości składniowo-semantycznych, w tym referencyjnych, o ile mi wiadomo, nikt nie badał.

Przymiotnik rzeczony (książk.) ‘ten, o którym była mowa we wcześniejszej części wypowiedzi’ (WSJP) jest atrybutem rzeczownika w grupie nominalnej, ma zmienny szyk (neutralna jest antepozycja), nie występuje w pozycji predykatywnej, nie przyłącza operatorów metapredykatywnych (jednostek typu bardzo, dosyć, prawie, zbyt), nie podlega stopniowaniu. Funkcjonalnie omawiany przymiotnik jest analogonem zaimka anaforycznego, kookurencja rzeczony z zaimka-

mi wskazującymi (np. *ten rzeczony) powoduje powstanie pleonazmu, a z zaimkami nieokreślonymi (np. *jakiś rzeczony) – sprzeczności.

Grupa nominalna z atrybutem rzeczony jest deskrypcją dyskursywną (Bogusławski 1977). Jako wykładnik funkcji nawiązującej nie może wystąpić w pierwszym linearnie wypowiedzeniu, a w każdym razie na jego początku.

3.2. Przymiotnik rzeczony kookuruje z rzeczownikiem (a) użytym już we wcześniejszym kontekście (np. (1)), (b) będącym quasi-synonimem bądź hiperonimem użytego wcześniej rzeczownika albo jego derywatu (np. (2), (3)), (c) koreferencyjnym z użytą wcześniej jednostką lub konstrukcją syntaktyczną (np. (4)). Badany przymiotnik może nawiązywać do treści komunikowanej wcześniej przez zdanie albo sekwencję zdań (np. (5)).

Przykłady

(1) TVN pokazała film, na którym widać, jak prezydencki minister X gładzi po kostiumie tłumaczkę z hiszpańskiego. Minister tłumaczył, że film fałszuje rzeczywistość, bo jego ręka była cały czas oddalona od rzeczzonego kostiumu równo o 10 cm. (NKJP)

(2) Nie było wątpliwości. Minispódniczka stanowiła gustowne uzupełnienie kobiety posiadającej poza rzeczoną kusą szmatką aparat fotograficzny i biały uśmiech. (NKJP)

(3) Bardzo poczciwa pani nawołując do bojkotu torebek z krokodylej skóry żywi na pewno niekłamana litość do gada. Nie dociera jednak do jej świadomości, że ktoś zdechnie z głodu, jeżeli rzeczzonego zwierzaka nie ukatrupi, a na jego skórę nie znajdzie nabywcy. (NKJP)

(4) 31 stycznia 1988 r. w godzinach wieczornych A. Krzeptowski zawiadamia z Doliny Pięciu Stawów, że niepokoi się o dwóch turystów mieszkających ostatnio w schronisku. Rzeczonego dnia rano wyszli w góry, nie podając trasy wędrówki. (NKJP)

(5) Rzeczywiście, historia nie zna podobnego przypadku erupcji pomysłów kompozytorsko-aranżacyjnych w dziedzinie muzyki popularnej. Żeby jednak cokolwiek sensownego w rzeczonej kwestii powiedzieć, należy cofnąć się do późnych lat 50. (NKJP)

Literatura cytowana

Bogusławski A., 1977, O interpretacji zdań z wyrażeniami okazjonalnymi, „Przegląd Humanistyczny” 2, s.39-56.

Danielewiczowa M., 2007, Przymiotniki nieprzymiotniki (O pewnym niezwykłym typie wyrażen w języku polskim), „Zbornik Matice srpske za slavistiku” 71-72, s.223-235.

Grochowski M., Kisiel A., Żabowska M., 2014, Słownik gniazdowy partykuł polskich, Kraków: PAU.

Karolak S., 1987, Pronominalne a niepronominalne wskaźniki nawiązania w tekście wielozdaniowym, „Прилози” XII, 2, Skopje: MANU, s.87-102.

Karolak S., 1999, Spójność syntaktyczna (koherencja), Wskaźniki nawiązania, [w:] Encyklopedia językoznawstwa ogólnego, red. K. Polański, Wrocław, Ossolineum, s.547-548, 638-639.

Kisiel A., 2012, STR zdań z partykułami dodającymi, „Linguistica Copernicana” 1(7), s.139-151.

Klemensiewicz Z., 1937, Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalnej, Kraków: PAU.

Klemensiewicz Z., 1949, O syntaktycznym stosunku nawiązania, „Slavia” XIX, 1-2, s.13-27.

Salińska D., 2006, Jednostka metatekstowa pozostały, „AUNC. Filologia Polska” LXII, s.161-168.

Salińska D., 2007, Cechy składniowe i semantyczne przymiotników o funkcji intratekstualnej (niniejszy, powyższy, poniższy), [w:] Studia nad współczesną polszczyzną. Gramatyka, semantyka, pragmatyka, red. A. Dobaczewski, Toruń: UMK, s.145-151.

Szkudlarek E., 2003, Wskaźniki nawiązania we współczesnych tekstach polskich (Na materiale współczesnej nowelistyki polskiej), Łódź: UŁ.

Wajszczuk J., 1980, Substytucyjna i metatekstowa interpretacja zjawiska anafory, „Јужнословенски Филолог” XXXVI, s.121-151.

Wajszczuk J., 1981, Pojęcie nawiązania. Analiza koncepcji Zenona Klemensiewicza, „Polonica” VII, s.67-83.

Wajszczuk J., 2005, O metatekście, Warszawa: KLF UW.

Walusiak E., 1999, Hierarchizacja treści i nawiązanie wewnątrztekstowe. Wykłady leksykalne, Warszawa: Energeia.

Wierzbicka A., 1971, Metatekst w tekście, [w:] O spójności tekstu, red. M. R. Mayenowa, Wrocław: Ossolineum, s.105-121.

О некоторых разговорных конструкциях с предикативными наречиями в русском языке*

Л. Л. Иомдин

ИППИ РАН им. А. А. Харкевича, г. Москва

iomdin@iitp.ru

В последнее время в русистике весьма активно обсуждаются различные аспекты, казалось бы, давно и хорошо изученных конструкций, формируемых предикативными словами (прилагательными или наречиями), выступающими в качестве сказуемого с эксплицитной или нулевой связкой: (1) *Ему тяжело говорить об этом*, (2) *Мне грустно ... потому, что весело тебе* (М. Ю. Лермонтов), (3) *Вольно было вам шептать* (В. В. Набоков), (4) *Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались* (О. Митяев), (5) *Ребенку может быть обидно, если его не возьмут в цирк* и т.д. С развитием корпусов текстов и передовых корпусных технологий обнаруживаются новые и уточняются известные синтаксические, лексические, семантические и диахронические особенности таких конструкций, вводятся в научный оборот дополнительные классы релевантных единиц. Из последних работ на эту тему стоит упомянуть, в частности, статьи Циммерлинг 2012, 2017, Летучий 2014.

* Автор выражает признательность за поддержку данной работы Российскому научному фонду (грант № 16-18-10422).

Однако, несмотря на возросший интерес к предикативам, один класс содержащих их русских конструкций удивительным образом остается вне поля зрения исследователей и не находит адекватного отражения ни в словарях, ни в теоретическом синтаксисе. Мы имеем в виду разговорные конструкции типа (6) *Ты как?* (7) *Я хорошо* <классно, нормально, ничего, неплохо, так себе, неважно, средне, как-то плоховато> и т.д. На наш взгляд, эти конструкции достаточно близки к приведенным выше конструкциям, хотя и отличаются от них в одном важном отношении: в конструкциях типа (1)-(5) субъект состояния, если он есть, выражен дательным падежом, а в данных конструкциях субъект состояния выражен более прототипическим (но необычным в отсутствии согласуемых сказуемых) именительным падежом. Мы попытаемся заполнить эту лауну, исходя из понимания такого материала как явлений микросинтаксиса (см., например, Иомдин 2014, 2015, 2017) или, несколько шире, как явлений грамматики конструкций (см., например, Рахилина 2010).

Такие конструкции редко встречаются в письменном тексте и по этой причине достаточно трудны для обнаружения рутинными исследовательскими методами. Конструкции, однако, весьма распространены в современной бытовой устной речи, причем такой, которая в массовом порядке в письменной передаче (скажем, в театральных пьесах или интервью) не воспроизводится. В первую очередь они свойственны кратким диалогам, в которых первая реплика представляет собой обращенный к собеседнику вопрос, а вторая – спонтанный ответ на этот вопрос:

(8) *Скажи честно, как ты сегодня?* – *Не волнуйся, я вполне хорошо;*

(9) *А что бабушка? Бабушка с утра была неважно, видимо, плохо спала ночью.*

По этой причине при анализе данных конструкций исследователь вынужден в значительной мере опираться на интроспекцию и эксперимент с участием информантов.

Синтаксические свойства этих конструкций отличаются ярко выраженной спецификой. Вопрос в рассматриваемом нами диалоге чаще всего формируется наречием *как* в роли сказуемого (с нулевой связкой или, реже, реальным глаголом *быть* в личной форме и прошедшем/будущем времени) и подлежащим в именительном падеже. В ответной реплике роль сказуемого выполняет наречие ограниченного лексического класса, чаще всего с финалью *–о*, также с имплицитной или эксплицитной связкой.

Частеречный статус такого наречия не подлежит сомнению: его нельзя трактовать ни как краткую форму прилагательного (поскольку, при наличии связки, последняя должна бы была согласоваться с прилагательным по роду и числу, что в данных конструкциях невозможно, ср. *Бабушка была <*было> неважно, Дети были <*было> неплохо*), ни как категорию состояния (если вообще признавать такую часть отдельной сущностью¹).

1 По мнению автора, категорию состояния как особую часть речи постулировать не следует. В синтаксической концепции, восходящей к синтаксическому компоненту теории «Смысл Ё Текст» И. А. Мельчука, которой придерживается автор и его коллеги (см., например, Апресян и др. 2010), предикативные слова типа *тяжело, грустно*, как в примерах (1)-(2), считаются прилагательными (в краткой форме ср. рода), а слова типа *вольно, здорово, боязно, жаль*, не имеющих омонимичной пары среди прилагательных – наречиями, обладающими особым признаком предикативности. Заметим, впрочем, что противопоставление прилагательных и наречий вообще довольно условно и, возможно, требует

Последнее легко установить, сравнив семантику конструкций типа (10) *Мне хорошо*, с одной стороны, и (11) *Я хорошо*, с другой: в (10), в отличие от (11), речь идет о внутреннем состоянии субъекта, а (11) скорее характеризует общее положение вещей, хотя, конечно, и связанное с субъектом. Тем самым рассматриваемые конструкции заметно расширяют круг употреблений предикативных наречий в русском языке.

Вообще семантика рассматриваемых здесь конструкций определена достаточно конкретно: как вопрос, так и ответ касаются физического состояния или жизненных обстоятельств отвечающего собеседника или кого-то, принадлежащего к личной сфере этого собеседника (а опосредованно и к личной сфере вопрошающего). Трудно представить себе серьезный обмен репликами между московскими пенсионерами типа

(12) – *Вы ведь недавно были в Японии? Как там император Акихито?* – *Он чудесно.*

Комичность диалога (12) объясняется именно нарушением требования принадлежности протагониста к личной сфере собеседников.

Особый интерес представляет, на наш взгляд, лексический состав класса слов, способных появляться в таких конструкциях. Кроме наречий *как ж что*, формирующих прямой или косвен-

пересмотра в русской грамматике. Подробно обсуждать эту проблему мы сейчас не будем, но ограничимся указанием, что во многих наречных и адъективных парадигмах, разделяющих одну основу, совпадают не только словоформы краткого прилагательного и наречия (*хорошо*), но и формы сравнительной степени (*лучше*), а рассматривать многозначность форм в конструкциях типа *он хорош – он хороший – он хорошо – ему хорошо – он лучше – ему лучше* можно и не прибегая к их частеречной идентификации.

ный вопрос (как в примерах (8) и (9)), в этих конструкциях могут выступать наречия общей оценки, как положительной, так и отрицательной; ср. *Он отлично, прекрасно, чудесно, хорошо, неплохо, ничего, обыкновенно, средне, плохо, паршиво, обалденно, офигенно, хреново* (и другие экспрессивные наречия положительной и отрицательной оценки, вплоть до табуированных). Весьма часто употребляется конструкция с наречием *нормально*; ср.

(13) *Я нормально / недавно познакомилась с мальчиком / его зовут Ваня* (Устный подкорпус НКРЯ);

(14) [Самохвалов] *Да я нормально. Последние два года работал в Женеве.* (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Служебный роман, к/ф).

Сюда же относятся наречия, задающие тот или иной тип сравнения; ср.

(15) — *Как твои дети? — Они по-разному, Петя хорошо учится, а Вася из двоек не вылезает*

(16) *Мы по-прежнему <по-старому>*

(но, странным образом, не **Мы по-новому*),

(17) *Они в общем по-всякому*

К этой группе следует присовокупить некоторые наречные речения (для ясности они выделены жирным шрифтом), ср.

(18) *Он, к сожалению, **так себе***

(19) *Родители **как всегда**, что им сделается*

(20) *Она **когда как** <как когда>*

(21) *Возможно, мой ум уже не такой острый, но физически я **тип-топ***

(22) *Все окей, хороший тренировочный лагерь, мы окей*

(последние два примера взяты из записей на интернет-форумах),

(23) *Я сегодня что-то не очень.*

С другой стороны, большое число наречий, обозначающих внутреннее состояние, в этих конструкциях не фигурирует совсем: трудно представить себе высказывания типа **Я грустно, *Я печально, *Я весело, *Я смешно, *Я неудобно* и т.п. Иногда слова, которые, казалось бы, очень близки, почти синонимичны, по отношению к сравниваемым конструкциям ведут себя по-разному: можно сказать и *Мне плохо*, и *Я плохо*, однако *Мне дурно* возможно, а **Я дурно* – нет.

Для некоторых наречий наблюдается обратная картина: они фигурируют в конструкциях с номинативным подлежащим, но не встречаются с дательным субъектом, ср. **Мне по-разному* <по-всякому, по-старому, окей>.

Некоторые единицы, выступающие в рассматриваемой конструкции с номинативом, заслуживают особого внимания. Мы имеем в виду, в частности, наречие *ничего* и наречное речение *так себе*: в отличие от основного массива наречий, формирующих конструкцию, они могут характеризовать и сущности вне личной сферы говорящего, ср.

(24) *Мама неважно* (мама входит в личную сферу собеседника и болеет или находится в плохой жизненной ситуации), но не

(25) [?]*Компьютер неважно* (разве что это дорогой для говорящего компьютер, играющий важную роль в его жизни, и скорее всего говорящий этот компьютер персонифицирует). Однако выражения типа

(26) *Мама ничего <так себе> и*

(27) *Этот компьютер ничего <так себе>*

оказываются равно допустимыми. Представляется, что в (26) и (27) мы имеем дело с разными лексическими значениями единиц *ничего* и *так себе*. В (26) идет речь о здоровье или о жизненной ситуации (обозначим эти наречия как *ничего*¹ и *так себе*¹), а в (27) – о качестве предмета (обозначим соответствующие наречия как *ничего*² и *так себе*²)². Добавим, что, строго говоря, эти наречия не привязаны к классу подлежащего: в экстраординарных ситуациях *ничего*² или *так себе*² может относиться и к человеку, ср.

(28) *Эта девушка ничего*², *симпатичная,*

*а ничего*¹ или *так себе*¹ – *к вещи*, ср.

(29) *Компьютер уже так себе*¹, *клавиши разболтались, дисплей мутный, пора менять*).

Может показаться, что рассматриваемые здесь конструкции допускают альтернативную синтаксическую трактовку – в качестве глагольного эллипсиса: (30а) *Как Вася?* > (30б) *Как поживает Вася?*, (31а) *Мама получше* > (31б) *Мама чувствует себя получше*. Это предположение представляется нам неверным.

Во-первых, речь здесь может идти не о конкретном элидированном глаголе, а о некотором конструкте достаточно размытой семантики. В качестве аналогии можно привести пару единиц совершенно другого лексического класса, которые различаются

2 В качестве курьеза заметим, что от *так себе*² образуются сленговые прилагательные *таксебешный* и *таксебеторный* (*компьютер таксебешный*), которые у *так себе*¹ начисто отсутствуют (**мама таксебеторная*).

между собой именно уровнем имплицитности — это вопросительные единицы *какой* и *что* за. Последняя отличается от первой, в частности, тем, что апеллирует к некоторому скрытому факту действительности. Ср. вопрос

(32) *Какой у него номер телефона?*,

предполагающий простой ответ типа *125-30-40*, и вопрос

(33) *Что у него за номер телефона?*,

такой ответ решительно не допускающий (а предполагающий раскрытие имплицитной информации, скажем, принадлежности к определенному типу оператора, региону и т.д.)

Примерно так же различаются высказывания (31а) и (31б): высказывание *Мама получше* допускает естественное продолжение типа *даже с соседкой помирилась*, а высказывание *Мама чувствует себя получше, даже с соседкой помирилась* представляется достаточно аномальным.

Во-вторых, предположение об эллиптичности плохо совмещается с наличием вариантов конструкции с реальной глагольной связкой, ср. *Жанна вчера была получше, ходила гулять* (НКРЯ). В таком случае для эллипсиса глагола просто не остается места.

Таким образом, мы имеем дело с полноценной предикативной конструкцией, требующей отдельного семантического и синтаксического анализа.

Литература

АПРЕСЯН, БОГУСЛАВСКИЙ, ИОМДИН, САННИКОВ 2010: АПРЕСЯН, Ю. Д., БОГУСЛАВСКИЙ, И. М., ИОМДИН, Л. Л., САННИ-

КОВ, В. З.: *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва: Языки славянских культур.

ИОМДИН 2014: ИОМДИН, Л. Л.: *Хорошо меня там не было: синтаксис и семантика одного класса русских разговорных конструкций*. In: Сб. статей *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages*. По материалам Международного симпозиума «Грамматикализация и лексикализация в славянских языках», 11-14 ноября 2011 г. München-Berlin-Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner. Band 55, 423-436.

ИОМДИН 2015: ИОМДИН, Л. Л.: Конструкции микросинтаксиса, образованные русской лексемой *раз*. *SLAVIA, časopis pro slovanskou filologii, ročník 84, sešit 3*, 291-306.

ИОМДИН 2017: ИОМДИН, Л. Л.: Между синтаксической фраземой и синтаксической конструкцией. Нетривиальные случаи микросинтаксической неоднозначности. *SLAVIA, časopis pro slovanskou filologii, ročník 86, sešit 2*.

ЛЕТУЧИЙ 2014: ЛЕТУЧИЙ, А. В.: Синтаксические свойства синтаксических актантов при предикативах. *RHEMA/РЕМА, № 1*, с. 62-84.

РАХИЛИНА 2010: РАХИЛИНА, Е. В.: *Лингвистика конструкций*. Москва: Издательский центр «Азбуковник».

ЦИММЕРЛИНГ 2012: ЦИММЕРЛИНГ, А. В.: Неканонические подлежащие в русском языке. In: *От формы к значению, от значения к форме*. Сб. статей в честь 80-летия А.В. Бондарко. Москва: Языки славянских культур, 568–590.

ЦИММЕРЛИНГ 2017: ЦИММЕРЛИНГ, А. В.: Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики. In: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Выпуск 16. Т. 2. М.: 466-482.

Gramatické aspekty tzv. rytmického krátenia v slovenčine

Ľubomír Kralčák

Univerzita Konštantina Filozofa, Nitra

lkralcak@ufk.sk

Rytmické krátenie je známe v slovenčine ako jav fonologicko-morfologickej povahy. Podmienky na jeho realizáciu vznikajú vtedy, keď v slove nasledujú, resp. mali by nasledovať, po sebe dve dlhé slabiky. V takomto prípade sa možná druhá dĺžka v duchu pomerne jednoznačného pravidla kráti.

Podstatou rytmického krátenia je teda kvantitatívna neutralizácia druhej “potenciálne“ dlhej slabiky, čo značí, že má progresívny charakter. Realizuje sa ako rytmická neutralizácia fonologickej kvantity, a to pri tvorení slov a tvarov. Od neutralizácie kvantity treba odlišovať kvantitatívne alternácie, ktoré majú regresívny charakter.

Krátenie druhej dĺžky sa na fonologickom pláne prejavuje ako striedanie krátkych a dlhých pendantov, pričom za dlhé sa považujú nielen dlhé vokály, ale aj sonórne konsonanty *ř*, *í* a všetky dvojhlasčky (*ia*, *ie*, *iu*, *ô*).

Rytmické krátenie sa chápe ako pravidlo, ktoré sa uplatňuje (1) pri tvorení tvarov substantív (*žen-a – žen-ám*, ale *vlád-a – vlád-am*; *mest-á – mest-ám*, ale *miest-a – miestam*), adjektív a adjektíválií (*pekn-ý*, ale *krásn-y*, *pekn-ého*, ale *krásn-eho*, *štvrt-ý*, ale *siedm-y*), ako aj tvarov sloviess (*pad-núť*, ale *vlád-nuť*; *češ-úci*, ale *viaž-uci*; *rob-ím*,

ale *chvál-im*; *vol-áv-am*, ale *čit-av-am*), (2) pri tvorení slov, a to substantív (*pohárik*, *piatak*, *bábkar*) a adjektív (*sloven-ský*, ale *európ-sky*).

Špecifickým problémom pravidla o rytmickom krátení sú jeho výnimky. Pôvodný takmer bezvýnimočný stav v štúrovskej slovenčine sa od polovice 19. storočia výrazne zmenil. Dnes evidujeme v kodifikačných príručkách spisovnej slovenčiny až 12 výnimiek z tohto pravidla, t. j. takých prípadov, keď môžu nasledovať po sebe dve dlhé slabiky, a teda druhá dlhá slabika sa nekráti. Najnovší výskum dokonca ukázal, že výnimiek z uvedeného pravidla je fakticky ešte o jednu viac.

Slovenská preskriptívna lingvistika v posledných desaťročiach pristúpila k redukcii spomínaných výnimiek. Bola zrušená výnimka v tvare prídavia *vládnuci* > *vládnuci* a výnimka pri tvorení slov na *-ár*, *-áreň*, keď tieto derivačné morfémy po predchádzajúcej dlhej možno krátiť (predtým *bábkár* > dnes *bábkar*, *mliekáreň* > *mliekareň*). Po týchto úpravách sa zreteľnejšie ukázalo, že rytmické krátenie v slovenčine nie je iba záležitosťou formy, resp. rytmiky, ale že vykazuje vnútornú prepojenosť s paradigmatickým ustrojením jednotlivých gramatických štruktúr. V prípade participia *vládnuci* možno v konečnom dôsledku uvažovať o novom deklinačnom type s novou sústavou gramatických morfémy z hľadiska distribúcie kvantity (s dovtedy nejestvujúcim morfonologicky krátkym zakončením). V prípade slov na *-ár*, *-áreň* sa ukazuje, že skrátenie tejto slovtvornej prípony môže mať, ba aj reálne má za následok komplikácie a či neistotu pri utváraní niektorých gramatických tvarov, ale aj pri realizácii niektorých slovtvorných postupov. Pôvodný zámer upevniť systémovosť týchto javov spôsobil fakticky opačný efekt – donedáv-

na neznáme, umelé podoby nemajú potenciál poskytnúť zaužívané, ustálené paradigmatické formy, čo vedie v používaní spomenutých typov slov a ich tvarov k rozkolísanosti a nejednotnosti.

О факторах, препятствующих грамматикализации

Руселина Ницолова

Софийски университет „Св. Климент Охридски“

nitsolova@abv.bg

Грамматикализация – одно из самых сложных понятий в современной лингвистике, которое со времен его первых дефиниций Мейе (1912) и Курилович (1965) непрерывно обогащается и видоизменяется. В одной из более поздних дефиниций грамматикализацию определяют как процесс, при котором лингвистические элементы (лексические, прагматические и иногда даже фонетические) превращаются в конститuentы грамматики, или менее грамматические элементы (напр. деривационные морфемы) превращаются в более грамматические (напр. флективные морфемы) (Wischer 2006:129). Хайне и Кутева в своей ценной работе характеризуют результаты грамматикализации следующим образом : (i) создается новая категория; (ii) замещаются старые средства выражения данной категории новыми средствами (Heine, Kuteva 2016 : 161). Грамматикализация является сложным процессом формально-семантически-прагматического, в некоторых случаях даже и стилистического характера, который проектируется на фоне развития данного языка с его разными подсистемами.

Однако не всегда грамматикализация достигает своих целей. Существуют случаи, когда в истории языков были попытки грамматикализации определенных конструкций, которые оказались

неуспешными. При этом грамматикализация либо вообще не развивается из-за конкуренции с другой более успешной конструкцией, либо существует определенное время, но не развивается полностью, не удовлетворяет всем параметрам грамматикализации, указанным в Lehmann (2002: 110). В этом докладе мы рассмотрим несколько случаев неуспешной грамматикализации в болгарском языке, обращая внимание на факторы, препятствующие её реализации.

1. Начнем со случая, когда таким фактором является лексическое значение исходного элемента. Речь идет о попытках выражения будущего времени конструкциями с инфинитивом и глаголами начинательного значения *на̀чати*, *вз̀ати* в древнеболг. языке, которые были вытеснены конкурентными конструкциями с модальными глаголами *хо̀тѣти* и *имѣти* с модальным значением. Именно они связывались с импликацией, что если одно действие желательно или необходимо, очень вероятно, что последует его совершение в будущем. Подобные грамматикализации существуют и в ряде европейских языков (Bybee et al. 1994: 256-266, Wiemer, Hansen 2016: 109-110).

Второй пример связан с начальным развитием грамматикализации посессивного перфекта, напр. *Имам написана статия по въпроса* ‘У меня написана статья по этому вопросу’, который не мог дальше развиваться из-за ограничений на взаимодействие в лексической семантики и грамматических значений элементов конструкции (см. подр. Ницолова 2014).

2. Другой вид факторов, препятствующих грамматикализации, наблюдается в некоторых случаях, когда исходным элементом грамматикализации является грамматическая морфема или

грамматическая форма. Первый пример – т.н. синтетическое условное наклонение в болгарском языке, которое образуется добавлением к основам наст. вр. или имперфекта индикатива морфем *-ва-, -ава-, -а-*, т.е. это грамматические морфемы, которые являются прежде всего маркером несовершенного вида (см. подр. Чакърова 1995), напр. *пия* – *пийвам, пийвах*; *ям* – *ядвам, ядвах*. Напр. ...*ако ни хванат тез чамурлийци, съдират ни от бой* (Й. Йовков) – ‘*если нас схватят эти люди из Ч., то они нас раздерут взбучкой*’. Морфемная синтактика болгарских глаголов, как и лексическое значение глаголов, разрешает добавление указанных морфем лишь в некоторых случаях, преимущественно к основным глаголам и редко к основам некоторых других глаголов. Наблюдается и омонимия с формами вторичного несов. вида и вне контекста форма с указанными суффиксами обычно воспринимается как форма несов. вида в индикативе. С формальной точки зрения существуют существенные ограничения, а на семантическом морфемном уровне получается морфемная полисемия, которую грамматические системы стремятся устранять. На уровне морфологической семантики тоже разграничение между синтетическим и аналитическим условным наклонением с *бих* не особенно отчетливо – первое называют условным наклонением готовности, а второе – условным наклонением возможности, но с этим можно поспорить. Все эти факторы привели к тому, что синтетическое условное наклонение, являясь малопродуктивным, все таки встречалось, хотя и очень редко в разговорной речи и в языке некоторых писателей XIX в. и первых десятилетий XX в. В настоящее время оно не употребляется за исключением двух идиоматизированных форм *ядвам* и *пийвам*.

Второй пример – т.н. презумптив, который, как и в других языках, возник на основе двух времен индикатива: будущего времени и будущего предварительного времени, которые обозначают предположение о настоящем и будущем действии соответственно. Из-за связанной с грамматикализацией декомпозиции их составная часть *ще (да)* началась восприниматься как маркер предположительности и ее начали добавлять и к формам других времен: наст. времени, перфекта, аориста, имперфекта, плюсквамперфекта. От этой парадигмы презумптива, которая конструируется в работе Герджикова (1984: 121-153), в настоящее время в электронных ресурсах исключительно редко встречаются только формы наст. вр. и перфекта – преимущественно формы *съм* ‘быть’ наст. вр., только один раз засвидетельствована форма имперфекта в примере *Кой е Василчо? Не ще да е тоя възстар човек...* ‘Кто Василчо? Вероятно, это не тот пожилой человек...’ Фактором, препятствующим установлению презумптива является глагольная система болгарского языка, структура которой семантически и формально исключительно сложна. Она не приняла еще одну новую модальную парадигму, значение которой очень хорошо и более градуированно можно передать сочетанием времен индикатива с множеством модальных наречий, как *вероятно, може би, сигурно, едва ли* и др.

3. Фактором, препятствующим полному развитию грамматикализации, может быть и дефективная информационная структура полученной конструкции. Имеется в виду т.н. экзистенциальный пассив, напр. *Има написана статия по въпроса* ‘Существует написанная статья по этому вопросу’. Экзистенциальный предикат *има* обуславливает информационную структуру предло-

жения, в которой именная группа – прямое дополнение – выполняет только роль фокуса . Так как она не может быть топиком, накладываются ограничения на её сочетаемость с детерминаторами и она не может быть заменена личным клитическим местоимением, см. подр. Ницолова (2015). Таким образом, экзистенциальный пассив с *habere* противопоставляется пассиву с *esse*, предложения с которым имеют полную парадигму информационной структуры.

4. Наконец следует упомянуть и социолингвистические факторы, препятствующие развитию и особенно расширению грамматикализации определенного явления. Речь идет о положительной или отрицательной оценке данной грамматикализации разными слоями общества и об официальной языковой политике, представленной выражаемой лингвистами предписаниями языковой культуры. В истории болгарского литературного языка имеется два случая, когда лингвисты противились грамматикализации, инициированной иностранными языками. Речь идёт о замещении вокативной формы личных имен общей формой и установлении употребления *един* в качестве неопределенного артикля. Эти два опыта не могли установить развитие этих грамматикализаций.

Наши наблюдения показывают, что факторы, препятствующие как появлению, так и развитию и установлению грамматикализаций могут быть очень разнородными: семантика исходного лексического элемента и конструкции, в которой он употребляется, информационная структура, если эта конструкция является предложением, значение грамматической морфемы, если она используется для образования новой грамматической формы и не-

приятие этой формы грамматической системой по разным причинам, формальные причины – невозможность образования новых форм во многих случаях, общие принципы развития языковой системы, социолингвистические оценки грамматикализованных форм и их различное стилистическое употребление.

Еще раз о семантике русского инструментала: взаимодействие грамматики и лексики

Борис Юстинович Норман

Белорусский государственный университет, Минск

boris.norman@gmail.com

Творительный падеж – один из самых многозначных в русской грамматике. Учебные пособия насчитывают у него около десяти значений. Функциям творительного падежа посвящено большое количество работ (исследования С.Д. Кацнельсона, Р. Мразека, А. Вежбицкой, Л. Янды, коллективная монография «Творительный падеж в славянских языках» под ред. С.Б. Бернштейна, М., 1958, и др.).

Не только каждый падеж, но каждое падежное значение реализуется на базе своего круга лексем. Этот круг может быть более широким или более узким, но представление о нем присутствует в сознании носителя языка.

Основное и самое частое значение творительного падежа – значение инструмента (лат. *instrumentalis*). А для разграничения субфункций инструмента, орудия, средства, посредника и т.п. необходимо прежде всего учитывать особенности лексической семантики слова. Чем она ближе к «предметной» и «канонической» (*молоток, пила, топор*), тем строже (чище) выражается функция инструмента.

В страдательных конструкциях творительный падеж сигнализирует агенса, производителя действия, и естественно, что в такой роли обычно выступают названия человека (*дом строится рабочими; багаж оплачен пассажиром*).

Функция именного предиката (после глаголов *быть, стать, вернуться, служить, являться, работать* и т.п.) реализуется прежде всего у существительных, обозначающих статус, должность или состояние лица (*быть начальником, работать столовым, вернуться больным*).

Значение маршрута, или пути движения, реализуется в форме творительного падежа у существительных, лексическое значение которых содержит в себе семы 'пространство', 'поверхность', 'линия' (*ехать лесом, идти берегом, бродить Москвой*).

Значение темпоратива (отрезка или точки на временной оси) возникает у формы инструменталю, когда она образуется от слова, уже несущего в себе «временное» значение: *оттепелью, поздней порой*. Очень часто такие словоформы лексикализуются, превращаются в отдельные слова – наречия (*вечером, утром, зимой, часом*).

Семантика транспортного средства у творительного падежа довольно сильно ограничена базовым списком слов. Можно сказать *уехать автобусом* или *летать Аэрофлотом*, но невозможно **поехать мотоциклом* или **добраться лошастью*.

Значение объекта действия появляется у инструменталю после определенных глаголов (которые тоже можно задать списком): *любоваться закатом, руководить факультетом, заниматься фотографией*.

Более свободна в плане лексической реализации семантика предмета сравнения, которую также способна передавать форма творительного падежа: *лететь стрелой, стоять солдатиком, смотреть волком*. Но в лексическом значении слова, с которым что-то сравнивается, желателен присутствие семы образца какого-то свойства: *стрела* – ‘быстрая’, *волк* – ‘злой’ и т.п.

Вывод напрашивается сам собой: то или иное значение падежа (объекта, инструмента, производителя действия, маршрута, отрезка времени и т.д.) должно согласовываться с лексическим значением существительного (и его привычной синтаксической функцией). Это свойство – внутреннее согласование лексического и грамматического значений, называемое изосемией, соблюдается в текстах далеко не всегда. Но любое неизосемическое употребление словоформы вызывает у адресата определенное напряжение или создает дополнительный эстетический эффект. В докладе будут приведены характерные примеры неизосемического использования форм творительного падежа, вроде *Я тобой спасался; Забором крался конокрад; Меня взяли в детский сад работать игрушкой* и т.п., а также примеры контекстов, в которых различные субфункции инструменталя нейтрализуются.

Доклад также будет содержать наблюдения над процессом лексикализации форм инструменталя (*словом, часом, шагом, наслышкой* и т.п.). Будут приводиться параллели из других славянских языков.

Diateze a reciprocita (na českém materiálu)

Jarmila Panevová

Univerzita Karlova, Praha

panevova@ufal.mff.cuni.cz

V příspěvku bude podán přehled gramatických (morfologických a syntaktických) diatezí, s nimiž se pracuje ve funkčním generativním popisu. S ohledem na omezení kladená na kombinatoriku diatezí budou představeny případy, kdy zevšeobecněný konatel v „deagentizační“ diatezi lze explicitně vyjádřit při kombinaci s reciprocitou (*Mezi hráči se šušvalo, že přijede prezident klubu.*). Bude analyzována hranice, kdy má fráze s *mezi* + *Instrumentál* povahu konatelskou a kdy jde o lokální určení prostředí, v němž se činnost děje.

References

PANEVOVÁ 2014: PANEVOVÁ, J. a kol.: *Mluvnice současné češtiny 2*. Syntax na základě anotovaného korpusu. Praha: Karolinum.

RŮŽIČKA 1986: RŮŽIČKA, R.: Typologie der Diathese slavischer Sprachen in parametrischen Variationen. *Die Welt der Slaven*. Vol. 31/2, 225 – 274.

Vypočítatelnost češtiny ve srovnání s ostatními západoslovanskými jazyky

Patrice Pognan

Institute of Formal and Applied Linguistics, Praha

patrice.pognan@mff.cuni.cz

Velká část rodilých mluvčích považuje češtinu za vysoce složitý a spletitý jazyk, slavista (a hlavně češtinář) v něm vidí určitý počet pravidelností, ale teprve odborník automatického zpracování češtiny může (ale nemusí) vnímat mimořádně vysoký stupeň pravidelných jevů v češtině.

„Vypočítatelnost“ (termín „předvídatelnost“ mi plně nevyhovuje) není bezprostřední pojem. Pomalu se vynořoval z mých předešlých prací a zkušeností.

V první řadě se jedná o automatickou analýzu synchronní češtiny, která byla provedena v duchu Pražské školy, totiž bez hledání v jakémkoliv slovníku (tzv. „dictionary look-up“), pouze na základě rozpoznávání lingvistických forem, k nimž se přidávají patřičné hodnoty. Studium některých západoslovanských jazyků, nejdříve horní lužičtiny, potom slovenštiny a posléze polštiny umožnilo první přístup ke srovnání jazyků této skupiny. Dalším kladným krokem se stala výuka historické mluvnice češtiny a západoslovanských jazyků.

Na tomto pozadí došlo jednak k určení západoslovanského lingvistického systému (souhrn všech synchronních i diachronních faktů), do kterého zapadly pak bez sebemenších potíží slovinština a chorvatština, jednak ke zjištění, že slovanská diachronie tvoří také jednotný

system, i když je tady mnohem víc výjimek a nejasností zastřených závojem času. Tento systém byl částečně potvrzen automatickým generováním slovanských slov na základě jejich historických kořenů (ve spolupráci s J. Panevovou).

Ve svém příspěvku podám nejdříve stručný přehled západoslovanského lingvistického systému, který dělím na dvě části, nominální a verbální, což značně připomíná tradiční gramatiku semitských jazyků.

Potom probereme příklady z různých úrovní (pravopis, automatické rozpoznávání cizích slov, morfologie).

Objevené poznatky uplatňuji už několik let v oboru ‚intercomprehension‘ slovanských jazyků, pro výuku češtiny v rámci západoslovanských jazyků a hlavně pro další automatická zpracování češtiny.

Vážně uvažuji o tom doložit výjimečně vysokou vypočitatelnost češtiny tím, že bych automaticky vybudoval všechny gramatické části slovníku (všechna hesla, morfosyntaktické údaje) na základě velkých korpusů.

О взаимодействии залога и модальности в сербском и других славянских языках

Људмила Поповић

Универзитет у Београду

ljudmilapopovic@yahoo.com

Известно, что профилирование модального значения в пассивной конструкции ведет к свертыванию парадигмы видо-временных форм глагола. В качестве примера данной закономерности приводится так называемый потенциальный и прескриптивный пассив в сербском языке, а также его аналоги в других славянских языках.

С другой стороны, доминантное значение пассива может вытеснить рецессивную модальность, что будет показано на примере сербского глагола *требати*, который функционирует в качестве модального, в форме 3 лица ед. числа (*Треба да радимо; Треба ло је да радимо* и т.п.), либо иметь полную личную парадигму в конструкциях с предметным аргументом на позиции субъекта состояния необходимости для кого/чего-нибудь (*Требаш ми ти; Детету требају ципеле*). В работе поднимается вопрос о том, может ли глагол *требати* во втором случае рассматриваться в качестве показателя лексического пассива, что, в свою очередь, влияет на восполнение его парадигмы.

Отдельное внимание будет посвящено вопросу функционирования аналогов глагола *требати* в других славянских языках.

Zapnul už jsi toho mobila? O akuzativu singuláru neživotných maskulin ve slovanských jazycích

Karolína Skwarska

Slovanský ústav AV ČR, Praha

skwarska@slu.cas.cz

V některých slovanských jazycích dochází k šíření koncovky *-a* v akuzativu singuláru neživotných maskulin, mnohdy se mluví o synkretismu genitivního a akuzativního tvaru singuláru. Problematika bývá většinou spojována s otázkami životnosti, v některých zdrojích i s otázkou partitivnosti. V odborné literatuře jsou vymezovány sémantické skupiny substantiv, jichž se tento jev týká: značky aut, názvy karet, šachových figur, hub, tanců apod. V příspěvku se ze srovnávacího hlediska zaměříme na následující otázky:

- sémantické skupiny substantiv, pro které je daný jev ve slovanských jazycích charakteristický
- expresivní charakter takových vyjádření a jeho vztah k ustálenosti uvedených synkretických tvarů
- stylové zabarvení
- výskyt akuzativního tvaru s koncovkou *-a* u neživotných maskulin v předložkových spojeních
- užití tohoto tvaru i při rozvití substantiva shodným přívlastkem
- kodifikace jevu v jednotlivých jazycích.

Еще раз о сниженной переходности

Hannu Tommola

*University of Tampere / Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

hannu.tommola@uta.fi

После «Легенды», «Фактов» и «Истоков», просмотренных в предыдущих главах, четвертая глава монографии Вадима Крысько (1994) об истории одушевленности в русском языке носит название «Следствия». Здесь автором рассматриваются факты и процессы, возникающие в русском морфосинтаксисе в результате постепенной грамматикализации категории одушевленности. Два, кажется, противоречащих друг другу процесса обсуждаются в разделах «Отмирание родительного падежа в функции прямого объекта», и «Вытеснение аккумулятива генитивом». В настоящей работе, с привлечением сопоставительного материала и фактов ряда других языков, делается попытка обзора проблем с первым из двух процессов и вообще проблемы неаккумулятивного прямого объекта.

Крысько (1994: 174) выделяет управляющиеся по традиции генитивом «исходно-достигаемые» глаголы, напр. *желать*, *добиваться*, *избегаться*, *остерегаться* и пр. Некоторые из глаголов этого перечня являются несоотносительными по виду (*imperfectiva tantum*), другие представляют собой имперфективы, соотносительные с глаголами СВ. Кстати, рассматривая развитие вариативности падежа объекта Крысько не обращает внимания на возможное влияние вида глагола на падеж объекта. В то

же время падеж прямого объекта в некоторых случаях более или менее зависит от вида глагола.

Во всех индоевропейских языках первоначальная падежная система перетерпела более или менее основательную перестройку или была полностью утрачена. Функции, свойственные в древних индоевропейских языках аблативу, в первую очередь обозначение удаления откуда-либо или исходного состояния (ср. выше «исходно-достигаемые» глаголы, иначе называемые также «достигаемо-удалительные»), в дальнейшем во многих индоевропейских языках-преемниках попадали на ответственность генитива.

Здесь напрашивается сравнение фактов глагольного управления индоевропейских языков (в частности, русского) с ситуацией в финно-угорских языках. А именно, например в финском языке в оформлении переходных предложений важную роль играет **партитивный** падеж, который продолжает традиции прауральского отделительного падежа, иначе – аблатива. Общие функции финского партитива и русского генитива неоднократно упоминаются в научной литературе. Наша проблема неминуемо приобретает и аспектологический характер. Обсуждению подлежит теория «сниженной переходности» (“reduced transitivity”, см. Norper & Thompson 1980), на которую ссылается в работе (Томмола 1986, см. напр. с. 61, 72, 166, 290) при сравнении решений в финском и в ряде индоевропейских языков во избежание употребления аккузативного объекта. А в финском языке так наз. иррезультативные глаголы управляются партитивом, точно так же, как и аспектуально (или акционально) нейтральные глаголы в предложении с имперфективным значением.

Литература

Крысько, Вадим Борисович 1994. *Развитие категории одушевленности в истории русского языка*. Москва: Издательство "Лuceum".

Hopper, Paul J. & Thompson, Sandra A. 1980. Transitivity in Grammar and Discourse. *Language* 56, 251–299.

Томмола, Ханну 1986. *Аспектуальность в русском и финском языках*. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja, 28 [Yearbook of the Institute for Cultural Relations between Finland and the USSR, 28] Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti.

Структура предложения а структура высказы- вания

Jadwiga Wajszczuk

Uniwersytet Warszawski

j.z.wajszczuk@uw.edu.pl

Оппозиция терминов *предложение* – *высказывание* восходит к столетней давности сосюрговскому противопоставлению языка и речи. Вопреки ожиданиям, до сих пор только один ее член (предложение) можно считать надлежащим образом изученным, так как был он испокон веков объектом исследования как центральное понятие синтаксиса. Относительно недавно, уже в XX веке, объектом изучения стало высказывание, т.е. реализация предложения в речи, точнее – надстраивающаяся над ним в речи организация (тематико-рематическая структура), которую принято считать структурой высказывания.

Предметом моего доклада стала функция союзов вопреки традиции рассматриваемых не как т.наз. *конекторы* – операторы синтаксической связи членов предложения и операторы синтаксической связи между предложениями, а именно как операторы тематико-рематической структуры высказывания на разных ее уровнях и операторы связи на разных уровнях структуры текста.